HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	«Я - высланная, ты - без ноги». Депортация калмыков (1943-1956) : гендерный взгляд
Author(s)	Гучинова, Эльза-Баир
Citation	Acta Slavica Iaponica, 24, 74-99
Issue Date	2007
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39516
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI24_004.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 24, pp. 74-99

«Я – высланная, ты – без ноги». Депортация калмыков (1943-1956): гендерный взгляд

Эльза-Баир Гучинова

Депортации на этнической основе в СССР изучаются преимущественно историками, которые на основе архивных документов восстанавливают ход исторических событий, показывают статистику демографических потерь, географию расселения, правовой статус высланных.[1] Антропологи не так давно обратились к этой теме, и смогли увидеть в изучении депортаций в СССР новые исследовательские перспективы, в том числе гендерную.

Как известно, калмыки входили в число народов, целиком выселенных в годы сталинизма за пределы своих территорий. Депортация была возмездием за коллаборационизм во время оккупации части республики. В течение суток 28 декабря 1943 г. более 90 тыс. калмыков были посажены в железнодорожные вагоны для перевозки скота и отправлены на восток. К лету 1944 г. общее число выселенных составило 120 тыс., включая калмыков из других областей и военнослужащих. Калмыцкая автономная республика была ликвидирована, ее территория поделена между соседними областями и образованной Астраханской областью, в 1956 г. с калмыков были сняты ограничения, с 1957 г. начался процесс восстановления автономии калмыцкого народа.[2]

Каждый/ая из высланных имели свой опыт стигматизации и свой опыт адаптации, которые зависели не только от этнической принадлежности, но также от пола и возраста человека. Эти факторы имели решающее значение в вопросе о том, сколько у человека шансов на выживание: для мужчин – с начала войны, для женщин и детей – депортацией.

Цель данной статьи – показать мужские и женские опыты выживания в экстремальных ситуациях выселения и депривации, как гендерные различия определяли разные возможности для социальной адаптации и достижения успеха, в то же время и сами подвергались трансформациям.[3]

---

1 *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И.-Мемориал, 2001; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Народы в эшелонах (20-60-е гг.). М.: Инсан, 1998; *Некрич А.М.* Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978; J. Otto Pohl, *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937-1949* (Westport, Connecticut, 1999) и др.

2 Об этом см.: *Бугай Н.Ф.* Операция «Улусы». Элиста, 1991; *Убушаев В.Б.* Выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991; *Гучинова Э.-Б.М.* Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгардт: Ibidem, 2005.

3 Я благодарна проф. И. Новиковой и д-ру Ц. Дариевой за продуктивное обсуждение текста статьи.

Исследование базируется в основном на материалах двадцати устных историй, собранных автором в России в 2003-4 гг. – в Элисте и Москве. Выборка – 10 мужских и 10 женских повествований – была такова, что респонденты относились к разным поколениям: выселенных взрослыми, выселенных в детском возрасте и родившимися в Сибири. В работе использованы также материалы проекта «Память в третьем поколении. Делегированные интервью школьников» (ПТП – ДИШ, 2002-2004), в котором ученики Элистинского Лицея записывали воспоминания своих старших родственников. Устные интервью дополнялись данными опубликованных воспоминаний.

Опыты мужественности

С началом войны у калмыков появилась возможность вернуться к традиционно почетному мужскому занятию – военной службе. Кроме плановой мобилизации, проходившей по всей стране, была сформирована отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия (110я ОККД). Это восстанавливало военную традицию участия калмыцких национальных формирований в войнах имперской России, ведь калмыки обосновались на юге России как защитники ее границ.

Молох забирал всех мужчин старше 18 лет. Шансы на выживание в войне зависели не только от личной удачи, но и от возраста солдата. *Сталинские орлы*, молодые ребята двадцати лет, чистые сердцем и искренне верующие в коммунистические идеалы, погибали гораздо чаще, чем *керенские мужики*, поколение их отцов, имевших опыт Первой мировой войны, которые не лезли на рожон, а знали где надо пригнуться, не высовываться.[4] Конечно, они имели больше шансов выжить.

> В июне 1941 объявили 13 возрастов мобилизовать, до 1918 г. рождения включительно. Кто родился в 1919-22 г., еще оставались и стали работать вместо ушедших на фронт и стали занимать должности, руководить. Некоторые даже председателями колхозов стали. В 1942 г. начинают брать тех, кто родился в 1919-21 гг. Буденый и Ока Городовиков вошли в правительство с ходатайством разрешить формировать кавалерийские дивизии из северо-кавказских народов. Нам, калмыкам, две дивизии формировать. Буденый и Городовиков сами не знали состояния на месте, кого можно в эти дивизии взять. Когда правительство разрешило, стало ясно, что некого брать, все люди уже ушли на фронт. Вместо двух дивизий, которые предполагалось, сформировали одну – 110 ОККД. Туда мы набрали три тысячи молодежи 1921-24 гг. рождения. Кто были грамотные, после 7-8 классов, были направлены на курсы младших командиров. Через полгода они уже стали командирами взводов. Мало того что молодежь надо было готовить, но еще и коней, сбрую для них. По решению правительства, где эти войска формируются, там их снаб-

4 Интервью с Нарановой С.Э. Москва, 2004.

жают и продовольствием. В общем, целиком формирование было на местном материале.
Летом 42 г. оказалось, что в Ставропольском крае совсем нет наших войск. Кто погиб, кто разбежался. И наша дивизия по плану должна была идти к Кизляру. Тех солдат, что не дошли до Сталинграда и остались здесь, мы собрали обратно в войска. Там были не только калмыки, но и дагестанцы, кабардинцы. Отступая, они должны были идти на Сталинград, а они растворились в степи. Вот почему я говорю тебе, что наши грехи были. Вот представь, идет солдат через Яшкуль, заходит домой. А дома схватили его дети и не пускают. А он, бедный, не знает, что ему делать, своих бросить или остаться с семьей. Многие так остались. Они на лошадях, с винтовками. Они рассосались с августа. Тех, кого сумели собрать, отправили в Кизляр. А те, кто попрятался, остались здесь. Калмыки, кто остались – они уже считали себя дезертирами. Когда наши войска в ноябре 1942 г. стали наступать, а немцы – отступать, тогда все желавшие воевать добрались в Кизляр. А дезертиры так остались здесь.[5]

Из такого рода дезертиров 110 ОККД, а также молодых парней допризывного возраста, которых матери спасали от службы в Красной Армии и всех, кто был выбран населением старостами во время оккупации (избирали всегда самых толковых), и их родственников было образовано коллаборационистское формирование калмыков на службе вермахта. Архивные материалы говорят о 7-10 тысячах покинувших калмыцкие степи вслед за отступавшими войсками,[6] что составило примерно 7% довоенного населения, и это были на тот период еще крепкие старики и взрослые юноши.

С начала 1944 г. по приказу Наркомата обороны со всех фронтов и военных округов были отозваны калмыки. Их было приблизительно 30 тыс.[7] Фронтовиков отзывали в тыл под предлогом создания калмыцкой национальной части на Урале. Всех военнослужащих сержантского и рядового состава, а также семь тысяч курсантов военных училищ направили на строительство Широковской ГЭС,[8] где в лагере принудительного труда калмыки приобрели экстремальный опыт выживания.

Здесь содержались люди, вина которых перед государством заключалась лишь в том, они были калмыками. Заслуги заключенных солдат перед Родиной признавали и власти: сержант П. Джалхаев и О. Болдырев за мужество и героизм были в Широклаге награждены орденами Ленина,[9] но это не выделило их общего ряда. Бывшие солдаты работали по

5 Интервью с Лиджи-Горяевым Э. Элиста, 2004.

6 *Гучинова Э.-Б.* Улица Kalmuk road. История, культура и идентичности калмыцкой общины США. СПб.: Алетейя, 2002. С. 70-71.

7 *Бакаев П.Д.* О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: Джангар, 2003. С. 54.

8 Бугай. *Операция «Улусы»*. С. 39.

9 *Максимов К.Н.* Репрессивная политика Советского государства и депортация калмыцкого народа в 1943 г. // Политические репрессии в Калмыкии в 20-40-е гг. XX века. Сб. статей. Элиста, 2003. С. 10.

16 часов, а питались впроголодь. Когда человек был на грани смерти от истощения и непосильного труда, его отпускали домой.

> Помню в Новосибирске: подъехал состав теплушек. Двери открылись и люди не выпрыгивали, а выпадывали из вагонов и ползли на питательный пункт. Через пути. Поезда туда-сюда ходят – крупная станция же, маневровые поезда, вагоны переставляли с пути на другой. Наверное, многих порезало. У них уже сил не было. Сказали, это нацмены из трудовых лагерей. Они тоже там пересадку делали, все питались на пункте – там жиденький суп давали, ну хоть горячее... Мужчин вообще мало было – все рядовые воины в Половинке остались. Дядя наш пришел с Половинки – кожа да кости, еще он там поваром был. Он говорил так: норма большая, а еды мало. Не выполнишь нормы, и той еды лишали. Если человек заболел, шел к лагерному врачу. Врач так делал. Берет за задницу. Если схватил, только кожа, он пишет акт – дистрофия такой-то степени, рекомендую списать. Давали на пять дней хлеба и сажали в вагон. Это таких мы видели в Новосибирске, кто через пути ползли без сил.[10]

> Разместили нас в бараках, где было очень холодно, и держали как преступников. Вскоре разделили по бригадам и вывели на строительство электростанции. Работа была очень тяжелая. Сначала работал на подсобных работах, потом на строительстве котлована. Приходилось выполнять различные земляные работы: долбили грунт, копали траншеи, возили бетон и т.д. И все это делали с помощью лома, кирки, лопаты и тачки. Вскоре одежда износилась, и нам выдали фуфайку и брюки, а обувь была из камеры на деревянной подошве. Одеты были как заключенные.
> Такая работа требовала полноценного питания, которого не было. Основная еда – это бульон (один ковш), 100 г. хлеба и зеленый помидор. Приходилось работать и жить впроголодь. И пошла смерть косить людей. Очень много вчерашних фронтовиков раньше времени ушли из жизни на том строительстве. Многих актировали от истощения и отправляли в Сибирь. До сих пор не знаю, что спасло меня тогда от смерти. В мае 45 г. меня актировали, отправили в Сибирь.[11]

> Фронтовики из Широклага приезжали в разное время, но все были одинаково беспомощны. Почти каждого из них выносили из вагона на руках, еле живыми. Это были живые трупы, не способные самостоятельно держаться на ногах. Такое не стирается из памяти. Хотя, по правде говоря, каждая семья была безмерно рада, что чей-то сын, брат или отец, пусть даже в таком состоянии, объявляется из безвестности. Сегодня, знакомясь с документами, на основании которых актировали строителей-невольников Широковской ГЭС, испытываешь холодную дрожь. Дистрофия 1 и 2 степени со стойкими отеками всего тела и ног, тубер-

10 Интервью с Чурюмовым О.С. Элиста, 2004.

11 *Очиров У.И.* С фронта – в лагерь НКВД, а потом в Сибирь // Мы – из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943-1957 гг.). Элиста, 2003. С. 159.

> кулез легких, пневмония, полное истощение – вот неполный перечень болезней, характеризующих состояние широклаговцев.[12]

В Широклаге содержались и женщины-фронтовички. Судя по воспоминаниям они формировали свое психологическое пространство так: вели себя как на фронте, как *мужчины*. Таким образом фронтовички в лагере как бы перестали быть *традиционными женщинами*, но и в «мужской» позиции оказались *оскопленными*, как и окружавшие их фронтовики-калмыки.

> Женщины жили отдельно, тоже в бараке, но нары у нас были одноярусные. Питание было очень плохое. Я много раз видела, как молодые люди подбирали объедки из помойной ямы[13] и варили их в своих котелках. Мы, девушки, тоже хотели кушать, но терпели, в помойку не лазили.[14]

Мужчины и женщины по-разному выживали в лагерных условиях. Первые, потеряв свою роль защитника семьи, оказались менее способными трансформировать этот навык в защиту других мужчин. Они не примеряли роль отца к новым условиям с той же готовностью, с какой женщины – роль матери, поскольку деятельность, сконцентрированная вокруг пищи, устройства жилья, социальных отношений, тепла, чистоты, могла быть единственно значимым видом труда в таких условиях – считалась женской. Но именно такие обыденные заботы делали возможной жизнь в угнетении.[15] Однако и в лагере находилось место проявлениям фронтового братства, поддержке земляческой солидарности, предприимчивости и сметливости как составным частям представления о мужественности.

Как можно было выжить в лагерных условиях? Обычным был такой стиль советского политзаключенного – жить тихо, стараться отлынивать от любых работ, «придуриваясь». Но бывшие солдаты старались доказать свою верность родине, а значит и ошибочность лагерного заключения. Поэтому многие сотрудничали с начальством: рисовали стенгазеты, участвовали в самодеятельности. Наиболее радикальным способом сохранить достоинство, а возможно и жизнь, был побег на фронт с изменением в документах национальности (чаще записывались бурятами, чем казахами).

> Здесь были почти все – фронтовики, как правило, от 20 до 30 лет. Как теперь говорят, генофонд нации. И вот он, этот генофонд, на глазах разрушался физически и морально.
> Нет, мы не были заключенными в прямом смысле слова, но и военнослужащими тоже не были. И подчинялись мы теперь не Наркомату

12 *Даваев В.М.* Героя войны ссылка не сломила // Мы – из высланных. С. 33.

13 В Широклаге бывшие чабаны спасались так: подбирали после собак кости, разбивали их и ели костный мозг.

14 Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Том 3, книга 1. Элиста, 1994. С. 41.

15 *Рингельхайм Дж.* Женщины и Холокост: переосмысление исследований // Антология гендерных исследований. СПб.: Алетейя, 1999. С. 254-279.

обороны и боевым офицерам-фронтовикам, а НКВД и его начальникам, которых мы – про себя, разумеется – именовали не иначе как «тыловые крысы». И хотя среди них были очень разные люди, как впрочем, и в армии и даже на фронте, но нам-то от этого было не легче, угнетал и давил сам статус, не говоря уже о каторжной работе, скудном питании, туберкулезном жилье в земляных бараках и прочих «мелочах».

Постепенно я подружился с Андреем Альчиновым. Но сначала довольно долго мы прощупывали друг друга и, наконец, открылись: надо бежать на фронт! Андрей сказал, что у него есть один верный товарищ, ему можно довериться. Это оказался Бембя Михайлов. Он был моложе меня и еще моложе Андрея. Порешили: надо готовиться к побегу, накапливать тайком продукты, деньги, хлеб, сухари, сахар, постное масло – чтобы не очень громоздко, но калорийно. Раздобыли мы какую-то изрядно потрепанную школьную карту, точнее атлас – без него не могло быть и речи о побеге. Это была бы верная гибель, ибо места для нас были совершенно незнакомые, лесные, а мы – степняки и поначалу просто терялись в лесу. Кроме того, решили, если побег удастся, то надо обязательно изменить национальность, потому как в противном случае нас не просто выдворят с фронта, а отправят в трибунал – за дезертирство с трудового фронта. Одним словом, план побега мы разработали во всех деталях. И в дальнейшем действовали в полном соответствии с ним, в том числе и национальность каждый изменил в своей красноармейской книжке. Альчинов раздобыл где-то красноармейскую книжку на имя казаха, кажется, Даскалиева.

В один из выходных дней, когда нас отпустили на базар на станцию Половинка, мы не вернулись в лагерь и двинулись на юг, в сторону Молотова. Шли лесом по течению реки Косьвы; продукты экономили максимально. Когда все припасы съели, продали сначала шинели, затем – все остальное, вплоть до запасных портянок. Наконец, вышли на Каму в районе впадения в нее реки Чусовой. И здесь впервые за столько дней сели на пристани на пароход и двинулись в сторону Молотова.

В пригороде Молотова сели на местный поезд и стали подсаживаться ненадолго на все попутные товарные поезда, стараясь не попасться на глаза сопровождающим. Затем также тайком шли до Ярославля около десяти суток. Ночевали где придется: под деревом в лесу, в стогу, в пустующих сараях. Добрались до Шуи, так, кажется, назывался этот городок. И тут средства наши иссякли полностью, и мы решили: будь что будет, обратимся в комендатуру. Обратились, рассказали заготовленную заранее легенду: наш состав шел на фронт, а мы, сойдя на одной из станций купить продукты, отстали и теперь никак не можем догнать свой состав, а в нем – все наше имущество. Нам поверили, хотя и отругали за ротозейство, но поверили! И это было главное. И даже мысли у них не возникало, что мы – дезертиры! Те бегут с фронта, а мы – на фронт! Более того, нас накормили, выдали сухой паек на сутки и с сопровождающими отправили на пересыльный пункт в Ярославль. Мы снова повторили свою легенду. Она и здесь сработала, в том числе и наши документы. В соответствии с нашими армейскими специальностями нас распределили в различные запасные части... Я настойчиво добивался отправки на фронт. И вот свершилось! Я был направлен радистом во взвод связи

> третьего батальона воздушно-десантной бригады. Это было в июле 44-го, и до конца войны я прошел в рядах этой бригады. Закончил войну в Чехословакии 11 мая 1945 г. на реке Влтава. За время службы меня наградили орденами Красного Знамени и Славы 3 степени, двумя медалями. После войны продолжал служить в военной комендатуре Будапешта помощником командира взвода. В мае 1946 г. уволили в запас.[16]

Побег на передовую апеллировал к уже знакомому фронтовому опыту, где этничность была не так важна как личное мужество. Офицеры также добивались возвращения на фронт, где их могли убить, но не унижали.

> В Павловских лагерях под Оренбургом калмыков было много, офицеры задумали письмо написать, что мы, калмыки, хотим снова идти на фронт. После моего отъезда пришел ответ от Булганина, он разрешил калмыкам-офицерам вернуться на фронт. Многие вернулись.[17]

Традиционные для калмыцкого общества патриархатные отношения, безусловно, доминировали в семьях той поры (обычай избегания, женский язык, мужское доминирование в застолье и ритуале и проч.). Повествуя о жизни 40-х и 50-х, рассказчики невольно воспроизводили и гендерный порядок, в котором мужчина принимал решения, отвечал за отношения семьи с внешним миром, с органами власти, а по дороге в Сибирь и за порядок в вагоне.

> Мужчин было мало, и отцу, комиссованному по ранению, приходилось заботиться о топливе, воде, получении пайков для всего вагона.[18]

> У нас в вагоне из взрослых мужчин оказались наши односельчане Сангаджиев Дава (он должен был быть на море, но в этот день почему-то оказался дома) и его брат Эльта. Они же и делили продукты. И продукты делили непропорционально.[19]

Однако если муж был на фронте, женщина не терялась, работала и решала семейные проблемы. Но семья, у которой при выселении все мужчины были в море, представляется рассказчиком как «семья без никого». Действительно, мужчина в экстремальной ситуации имел больше власти благодаря физической силе и традиции мужского доминирования. Именно мужчины (если они были) распределяли пищу и теплые места в вагонах, хотя в нем ехали люди и постарше, и толковее, но это были женщины и старики.[20]

---

16 *Лиджи-Гаряев Т.Л-Г.* Высокие и горькие слезы // Мы – из высланных. С. 148-151.

17 Интервью с Дорджиевым Л.Т. Элиста, 2004.

18 *Кардонова К.Э.* Я лишь хочу, чтобы это не забылось // Мы – из высланных. С. 141.

19 *Гучинова Э.-Б.* У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический Форум. 2005. № 3. С. 426.

20 Среди всех выселенных калмыков было: женщины – 36,4%, дети – 43,2%, старики и инвалиды – 20,4%. – Цит по: *Максимов*. Репрессивная политика. С. 12-13.

Мужественность – в самом общем виде – это то, чем мужчина должен быть и что от него ожидается. При ее описании необходимо учитывать два принципиальных аспекта мужской половой идентичности: она всегда перформативна, показательна, инсценирована и рассчитана на определенного зрителя, в то же время мужественность имеет иллюзорный, фантазматический, символический характер.[21]

Стигматизация этничности в советском идеологическом порядке вела к невозможности поддерживать основные компоненты мужественности – принятие решений, последовательность, рациональность, ответственность, то есть объективации опасной мужской общности. Это приводило к пересмотру патриархатных основ гендерного порядка.

Кроме показанного выше сценария эмаскуляции жизнь нередко предлагала вариант гиперагрессивной маскулинности. Оставаться мужчиной означало так вести себя в соответствии с нормативным каноном, универсальной для всех культур системой представлений о том каким должен быть мужчина.[22] Этого можно было добиться безупречным трудом и безупречным поведением. Но вначале надо было показать умение защитить себя от демонстративных публичных оскорблений. Практически все мальчики и мужчины должны были кулаками защищать свое человеческое и мужское достоинство. Язык оскорбления был основан на фенотипическом (узкоглазые, «п....глазые»), культурном (свиное ухо, ходя-ходя – так дразнили казахов и китайцев), языковом (моя-твоя понимай? – как демонстрация символической власти естественных и доминантных носителей русского языка – следовательно и носителей власти), идеологическом (предатели, калмыки) и других реальных или воображаемых различиях. Такая практика не просто задевала оскорбленных, а фактически их производила как оскорбленных,[23] особенно теми выражениями (калмык – в жопу тык), которые в гомофобском советском обществе символически оскопляли, психологически эмаскулировали калмыцких мужчин. Часто ответ на оскорбление был несимметрично жестким.

> Я помню, меня обидел один взрослый, водой что ли облил. Тогда я схватил кирпич и дал ему по башке. Меня боялись и считали, что я без тормозов. Я боялся жаловаться отцу, я понимал, что он обязательно выйдет меня защищать, а тогда он будет один взрослый против двадцати. Просто его изобьют и убьют. Когда в таком положении, быстро развиваешься. Я понимал, что жаловаться нельзя, это закончится плохо. Смертью... Каждый день перебарывал в себе вот это постоянное ожидание оскор-

21 *Ушакин С.* Видимость мужественности. http://www.countries.ru/library/antropology/gender/vidimost.htm

22 *Кон И.* Мужчина в меняющемся мире. Публичная лекция. http://polit.ru/lectures/2006/12/29/kon.html.

23 *Жеребкина И.* Гендерные 90-е или фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003. С. 187.

бления, унижения. Отстаивать себя кулаками, ногами, зубами. Такая ощетинистость была – на 360 градусов.[24]

Если калмык выходил из такой стычки победителем, его обычно переставали третировать.

Я пришел к председателю колхоза утром рано. Он на улице, во дворе. Подхожу к нему и говорю: «Моей сестре положена телка. Когда она может ее получить?». А я, правда, без погон, только фуражка на мне. Он в ответ: «Вам, бандитам, изменникам родины, еще и корову давай?». Я ему говорю: «Ты же не знаешь, сколько коров мы там оставили, и они все стали государственными. И не ты даешь, а государство, и оно тебе засчитает, как сданное государству мясо. Что же ты, в конце концов?». А он все равно: «Нечего вам давать, изменникам родины и бандитам». Ну, думаю, дурак такой. Думаю, ударить его надо. Но для этого же надо получить личное оскорбление. Такой порядок существует. Я ему говорю: «А как ты меня считаешь?». И подошел к нему близко. «Ты тоже такой же». Ну тут я его левой рукой шарахнул. А вокруг ни одного калмыка, только мой племянник, которому десяти не было. Тут кто-то меня схватил сзади и кто-то председателя тоже держит. Председатель кричит: «Отпустите меня, я его убью». Я говорю: «Отпустите его и меня отпустите. Посмотрим, кто кого убьет».[25]

Мужественность предполагала умение постоять за себя в том числе и в бюрократическом порядке (часто противоречивом), что означало и юридическую компетенцию – суметь защитить себя от несправедливого обвинения в органах власти.

Я не попрощался и пришел к сестре и накатал под копирку жалобу в пяти экземплярах: первому секретарю райкома, прокурору, военкому, начальнику МВД и пятый для себя. Накатал, что такое национальная политика Советского Союза. Что я принял военную присягу и ее свято выполняю, с какого времени и по какое в армии служу. А что это за район, где разводится национальная рознь, обзывают человека незаслуженно. Какой я враг народа? Я защищал родину. Написал их фамилии. Прочитал. Я всем раздал – в райком партии, в военкомат, в МВД, в прокуратуру. А на пятый экземпляр роспись, что они получили.[26]

Мужественность всегда связана с властью, поэтому калмыки, занимавшие хорошие должности, долго помнятся в рассказах о том времени. Лучше всего калмыки смогли устроиться в Киргизии, где, к примеру,

Баркаев Саранг был зам.председателя горисполкома Пржевальска, депутатом городского совета. Там говорили: если Саранг Мучиряевич на приеме скажет так надо, то все верили, что больше не надо жаловаться. Этеев, завгорземотдела, был депутатом городского совета. Бадмаев

24 Интервью с Манджиевым О.Л. Москва, 2004.

25 Интервью с Дорджиевым Л.Т. Элиста, 2004.

26 Там же.

> А.У. был депутатом горсовета и директором школы ФЗО.[27] Когда нас выслали из Пржевальска, Баркаев и Этеев остались, а Бадмаев переехал и стал в Иссык-кульском районе методистом району, а потом заведующим району. Когда Сталин умер, все районы и области давали телеграммы соболезнования. От Иссык-кульского района такую телеграмму составлял ни русский, ни киргиз, а калмык - Бадмаев А.У. [28]

Многие мужчины вернулись с фронта и, на первый взгляд, были в порядке (руки целы, ноги целы, что еще?). Они не говорили вслух о своем подорванном здоровье, и только их дети свидетельствуют, как часто отцы лежали в госпиталях, как врачи им запрещали работать. Видимо, вернуться с войны абсолютно здоровым было невозможно. Война не может не травмировать.

> Как-то наш папа заболел. У него было после войны нервное истощение, и ему врачи запретили работать год. А кто семью кормить будет?».[29]

> Отец тогда лежал в госпитале. Он пришел с фронта весь израненный, нервный. От ранения в голову часто терял сознание прямо на улице. Упадет, а мы с братом стоим, не знаем что делать, плачем. Одна рука у него едва двигалась – почти атрофирована была. Возьмет что-нибудь, а пальцев не чувствует. И все падает – то чашка, то вилка, то сетка. Папа выпишется из госпиталя. Придет домой, увидит нас – голодных. Начинает работать в три смены, чтобы нас хоть немного подкормить. А организм-то слабый. Поработает неделю-две, надорвется. И снова в госпиталь на месяца три. Так я и запомнил его по детству – в госпитале. Худой, бледный, пижама на нем болтается.[30]

Тем не менее все калмыки в Сибири старались прилежным трудом доказывать лояльность государству, изо всех сил стараясь быть не хуже других советских людей. Они заводили дружеские отношения с соседями, сослуживцами, одноклассниками, отмечали праздники и участвовали в самодеятельности и других видах общественной жизни. В воспоминаниях они всегда упоминают о местах, занятых в соцсоревнованиях, о почетных грамотах и знаках отличия за примерный труд, об участии в сельскохозяйственных выставках.

Видимо, в этом проявляется феномен пропповской «недостача» у героев русской сказки, приложенный С. Ушакиным к анализу мужественности: «осознание и преодоление отсутствия целостности «мужественности» [«очередного Ивана»] становится и источником развития и основным содержанием сюжета его жизни».[31] Недостача в годы депортации ощуща-

---

27 фабрично-заводского обучения.

28 Интервью с Дорджиевым Л.Т. Элиста, 2004.

29 *Гучинова.* У каждого своя Сибирь. С. 414.

30 Интервью с Манджиевым О.Л. Москва, 2004.

31 *Ушакин С.* Человек рода Он: знаки отсутствия. // *Ушакин С.* (сост.) О муже(N)ственности. Сб. ст. М.: НЛО, 2002. С. 27.

лась калмыками прежде всего в отношении качества человеческого бытия – не было еды, жилья, общения и много другого – но преодолеть ее можно было только универсальным человеческим способом – трудом.

Кризис маскулинности

В отличие от своих родителей, имевших военный опыт, символический аттестат мужественности, генерация «сибирских» детей не чувствует в себе безусловной маскулинности старшего поколения, в первую очередь, поскольку не имела опыта участия в мужском ритуале войны. Калмыки, рожденные в высылке, чувствуют *кризис маскулинности*, т.е. «невозможность реализации личного сценария, или проекта, маскулинности»,[32] в том, что нарушается «главный принцип маскулинности – мужчина ... должен всегда и везде оставаться субъектом, хозяином положения».[33]

> Ссыльное поколение, рожденное в 40-е, от постоянного унижения – я не говорю физического, я имею в виду моральное – мы где-то внутри согнутые. От постоянного желания запрятаться в толпе, чтобы тебя не увидели, пропала инициатива, загублены многие таланты. Если бы не это, многие бы ребята проявили себя, могли бы быть большими людьми. Но от сознания, что не дадут выдвинуться, потому что калмык, пропадала охота что-либо делать, пытаться. Это сейчас можно говорить, что это страшно. А тогда... это была повседневность, обыденность. Тогда законов не было. Любой человек мог убить калмыка, потому что он высланный, он был вне закона. «Кого убили? – А, калмыка». Или: «Ну зря ты так, надо было хоть живым оставить». Я до сих пор вижу милиционера, и мне хочется перейти на другую сторону улицы, хотя я ничего не сделал. Страх, установка не высовываться, не лезть, быть не на виду. Наше поколение не пошло ни в политику, ни в большой бизнес. Это Чехов выдавливал из себя по капле раба, а из нас надо было реками пускать. Ты постоянно настороже. На нерве. Тебя могут оскорбить везде, на улице, в школе, в магазине.[34]

Для такого кризиса было достаточно оснований: стремительная и во многом насильственная модернизация привела к отказу от традиционных занятий военной службой и экстенсивным скотоводством, вследствие чего мужчина потерял свои основные хозяйственные навыки. К другим деструктивным факторам следует отнести многократные смены алфавита, после которых люди вновь и вновь становились неграмотными, смена языка публичной сферы, запрещение религиозной практики, которая могла быть нравственной опорой в трудное время. Политические репрессии руководителей республики и первой волны калмыцкой советской

---

32 *Тартаковская И.Н.* «Несостоявшаяся маскулинность» в постсоветском контексте // http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-02tar.html

33 *Кон И.* Мужское тело как эротический объект // О муже(N)ственности. С. 47.

34 Интервью с Манджиевым О.Л. Москва, 2004.

интеллигенции, гонения на священников, аристократию и зажиточных кулаков, а также казачества усиливали страх перед репрессиями со стороны государства. Возникало непонимание того как следует жить, потому что хозяйственный или карьерный успех в 20-30-е гг. часто означал риск ареста, а то и расстрела. В традиционном хозяйстве мужчина имел свои особые ресурсы (хозяйство, ремесло, торговля), из которых кормил семью, утверждая свою доминантность. При советской власти он должен был пойти на работу в колхоз или в учреждение, зависеть от коллектива и власти и не всегда иметь доходы, достаточные для того чтобы прокормить семью. Утеряв свои особые ресурсы, он не соответствовал собственным представлениям о мужественности и не отвечал ожиданиям членов семьи.

В том, как государство отнеслось к мужчинам-фронтовикам, наиболее опытным, знающим людям, составляющим основную группу репродуктивного возраста, видится явление, которое в других регионах СССР было охарактеризовано как символическая кастрация колонизирующими силами, направленная прежде всего на уничтожение мужественности «второсортного» народа.[35] Слабые, «кастрированные» мужчины видятся символом бессилия в отношениях с колонизатором.[36] Подтверждением символической кастрации являются биографии бывших узников Широклага, среди которых встречаются мужчины, которые после освобождения так никогда и не женились: нарушение канона маскулинности, видимо, вызывало опасения потенциальной невозможности следовать нормам семейной жизни после освобождения.

Женская доля

Наиболее уязвимыми из всего депортируемого состава были беременные женщины и кормящие матери. Народная память сохранила немало примеров того, как женщина отказывалась от ребенка, будучи не в силах одной адекватно разобраться в трудной ситуации, не понимая, возможны ли старые практики в иных, экстремальных условиях? В калмыцком обществе роды считались грязным и оскверняющим актом, поэтому женщине было трудно морально решиться на роды в публичном месте, которым стал вагон. Что означало оставить ребенка на станции? Мать оставляет ребенка умирать или дает ему шанс выжить в детском доме под другим именем, так как все равно он обречен на голодную смерть в ближайшие сутки?

---

35 *Забужко О.* Гендерная структура украинского колониального сознания: к постановке вопроса // О Муже(N)ственности. С. 393-394.

36 *Гапова Е.* О гендере, нации и классе в посткоммунизме // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 9.

> Еще в нашем вагоне умерла одна женщина, впоследствии я узнала, что она должна была родить, но сидела и зажимала ноги, чтобы никто не увидел, как она рожает.[37]
>
> Во время пути у нее пропало молоко, и все как могли, помогали. Но когда у мальчика расстроился желудок, в вагоне началась паника. Каждый, заботясь о своем чаде, настаивал на том, что он обречен. «Выброси Баатра, ведь у тебя останется Борька! Одного легче выкормить!» – такие страшные слова кричала одна из обезумевших матерей. Загнанная в тупик Бобиш не хотела, и не могла выкинуть живого ребенка; обезумев от горя, мать решилась на чудовищный шаг и, завернув ребенка в полушубок, шагнула к двери вагона. Но преградила ей дорогу женщина, старше по возрасту: «Сядь на место!»... Ребенку становилось все хуже и хуже, а соседи по вагону накинулись на ребенка, ругая самыми последними словами. Однажды во время остановки она оставила свою кровинку в сугробе и, зажав уши, вернулась в вагон. Но не выдержало сердце матери, выбежала она из вагона, обняла своего ребенка. По вагону разнеслась весть об этом случае, и люди отдавали все, что у них осталось, и мальчик выжил благодаря своей матери, и людям, приносившим бараний жир и масло.[38]
>
> Бабушка рассказывала мне, что в их вагоне была женщина с двухмесячным ребенком на руках. Но так как было нечего есть, у нее не было молока, кормить ребенка было нечем, она на одной из станций вынесла ребенка из вагона и положила на снег, такого беззащитного и маленького, но что поделаешь, если не освободиться от ребенка, то умрут оба.[39]

До трех детей порой рожала в Сибири женщина и теряла их. В 1948-49 гг. в калмыцких семьях родилось 3193 младенца, при этом умерло 2766, в 1949 г. родилось 2058 человек, а умерло 1903.[40] Резкая смена климата и сильный стресс влияли на фертильность и вызывали аменорею. Недаром наиболее трудным в первые годы люди считали «привыкание к местному климату и налаживание отношений с местным населением».[41]

Женственность в рассказах, как правило, конструируется на примере матери. Поскольку патриархатные отношения в обществе доминировали, то рассказчица-дочь ретранслирует именно эти ценности, и в матери ценит как природные проявления «женственности» (красоту, умение петь, танцевать, отсутствие лидерских амбиций), так и хозяйственные навыки, включая бесконечный труд без отдыха. Неоплачиваемый домашний труд предполагал самую разнообразную работу: сюда входила не только

---

37 Интервью с Кардоновой К. Проект Память в третьем поколении – Делегированное интервью школьника (далее – ППТП – ДИШ). Элиста, 2004.

38 Проект «Память в третьем поколении». Анонимное сочинение. Элиста, 2004.

39 *Шевенова С.И., Гучинова Э.-Б.* (сост.) Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях. СПб.: Алетейя, 2005. С. 83.

40 *Бугай*. Операция «Улусы». С. 78.

41 Проект «Память в третьем поколении». Интервью с Мухлыновой М.С. Элиста, 2004.

«стирка-глажка-уборка-готовка», но и шитье одежды для всех членов семьи, полевые и огородные работы, уход за птицей и скотиной, стояние в очередях, отоваривание карточек и многое другое. При этом требовалась изворотливость: надо было регулярно стирать одежду, несмотря на отсутствие мыла, надо было ежедневно кормить детей, но не всегда были продукты. Само содержание этих «женских» качеств указывает на патриархатное авторство термина «женственность».

> Моя мама, Прасковья Бадмаевна, красавица 32 лет, занималась семьей, шила сибирякам все, начиная с трусов и до брезентовых плащей и рукавиц. Мама была исключительной женщиной и местные сибиряки приходили вечерами взглянуть на такую женщину в окно, которое располагалось низко, и все в квартире просматривалось. Потом сибиряки так припеклись к нашей семье, что мои родители стали желанными гостями их незатейливых вечеринок. Там мама, забыв семейные трудности, пела, танцевала и вмиг еще больше хорошела. Жили, конечно, как все, туго. Мама пыталась в первую очередь накормить нас и ждала, если ей что-то достанется. Я была еще дурочкой и спрашивала: «почему ты, мама не кушаешь?». На что она отвечала: «я уже сыта». Калмыкам выдавали ссуды на обзаведение хозяйством. Мама купила корову и отдала два мешка одежды. Она была достаточно хорошо одета, все отдала на корову. Мама сама покупала корову. Когда мама привела корову, папа вышел посмотреть, сказал: что за телку ты купила. Потом она хорошо нас молоком обеспечила. Такую мастерицу на все руки, многодетную мать, стали выбирать в родительский комитет школы. Она все делала, но оставалась второй скрипкой при папе. Она научилась запрягать лошадь, косить сено, плести огород, разводить гусей, кур и даже пчел. Она не сидела на завалинке с женщинами, ей было всегда некогда.[42]

Однако не все женщины смогли выстоять как та, о которой была приведенная цитата. Многие калмычки не знали русского языка, без мужей и родственников они растерялись и не видели путей к спасению. Они умирали вместе с детьми, иногда пытаясь спасти от голода старших детей, жертвуя младшими. Невозможность выполнить свою материнскую роль для них означала и невозможность жить.

> Первыми умерли двое младших детей Булгун, потом ее мать, потом умерли двое старших. От голода. В нашем селе половина были давно сосланные и половина была старообрядцы. У последних зимой снега не выпросишь. Все, кто был на ногах, ходили по домам. Кто собак спускает, а кто кусок хлеба даст, а кто картошку. Мама что принесет, делила на нас троих. А ей надо было делить на шестерых. Ей и помочь нечем. Она, оказывается, младших не кормила, чтобы спасти старших. Потом бабушку не кормила, чтобы спасти старших. Понимаешь, что делалось? Они уже ей мешали. Где-то в конце января нас привезли, а в начале февраля младшие умерли... А старшие умерли в середине марта. Сама она не плакала, слез не было. Она ревела. Глаза сухие. Кричала все время:

42 Интервью с Сельвиной К.Е. Элиста, 2004.

«Бадма, когда ты вернешься, что я тебе скажу? Детей твоих не уберегла, мать не уберегла. Ночью вышла и повесилась».[43]

Мало кто выжил из мобилизованных для выполнения принудительной трудовой повинности и попал в так называемую трудармию.

Лида попала в трудармию. Это был советский концлагерь. Мой двоюродный брат Никита служил в армии, и его часть в 44 г. стояла в Новосибирске. Они стояли и ждали, когда колонну проведут с собаками. Было много калмыков, и он узнал свою двоюродную сестру Лиду. Он уже был офицер, за ними пошел, зашел на вахту и спросил у охраны: «Что за заключенных сейчас провели»? – «Это не заключенные, это дети врагов народа, это хуже чем заключенные, потому что у заключенных срок есть, а эти бессрочные. Мы про них ничего не знаем, их офицеры приводят по списку и назад уводят». Шли на вахте офицеры сопровождения и он к ним обратился. Он сказал: «Мне показалось, что моя сестра прошла». «Как фамилия? Да, есть. Это дети спецпереселенцев, они работают на военном заводе, их так водят, чтобы они не разбежались». Сейчас это Сибсельмаш. А в военное время там был минометный завод. Там были не только калмыки: дети немцев и дети русских, кто был старостами и полицейскими. Лида наша попала туда в 44 г., она получила туберкулез брюшины и в 45-м ее освободили. Зимой ее привезли, она была в ботинках на деревянной подошве. Тетя Рая, жена Никиты, работала медсестрой в военном госпитале. Она белую простыню постелила на пол, ее посадила на стул, всю ее машинкой обстригла, всю одежду и волосы сожгла. Ничего ей одеть, дали ей солдатскую гимнастерку, юбку и белье. Вымыла ее всю в ванной, а наутро опять вшей полно, как будто из тела выходят. Так целый месяц она ее мыла и кормила. Лида наша в 48 г. умерла.[44]

По многим рассказам видно, что красота спасала женщину в трудной ситуации, поскольку властью распоряжались мужчины, ценители этой красоты. Красота – это ресурс, который позволял женщине успешнее использовать все свои немногочисленные возможности для более успешной жизненной стратегии; ведь мужчины в разных культурах оценивают красоту как самое важное в длинном списке женских качеств.

В традиционном калмыцком обществе выделялись четыре типа женственности (красоты), которые были представлены так:

1. Высоконравственная женщина с сильным биоэнергетическим полем, обладающая даром исцеления, рядом с которой спокойно и уютно (шаманки).
2. Обаятельная женщина, с огоньком в глазах и сиянием на лице, которая пройдет мимо и никого не оставит равнодушным, все на нее оглядываются.

43 Интервью с Буджаловым Е.А. Элиста, 2004.

44 Интервью с Нарановой С.Э. Москва, 2004.

3. Женщина с ладной, гармоничной фигурой и пластикой: не большая и не маленькая, не толстая и не худая – такая, на которую посмотришь и засмотришься.
4. Женщина, которая знает, как себя вести во всех ситуациях, умеет красиво одеваться, общение с которой очень приятно.[45]

В рассказах о депортации упоминаются разные типы женственности, но чаще выделяется шаманский тип: «мама обладала от природы даром лечить людей, особенно детей, мы никогда в Сибири не болели».[46] Видимо, он был востребован в условиях отсутствия информации и врачебной помощи, поэтому женщины, использовавшие практики, основанные на интуитивном знании, были на особом счету. Традиция не измеряют красоту в сантиметрах, но рассказчицы уже в то время выбрали для себя европейские стандарты и замечают, что ремень обвивался вокруг талии два раза, хотя в калмыцком языке и слова для обозначения талии не было.

Женщины старались быть модными и аккуратными в одежде: «во время вступительных экзаменов я каждый вечер свое платье стирала, утром вставала пораньше, чтобы погладить, у меня оно одно было».[47] Рассказчицы охотно вспоминали о своей тонкой талии или толстой косе (которую, например, можно было расплести и укрыть волосами ребенка[48]), и были готовы спорить о своих достоинствах даже с риском ареста:

> Я поехала в Алма-Ату к тете. Тетя давно была замужем за казахом, деканом географического факультета КазГу. За нами, за троюродной сестрой Лорой, студенткой КазГУ, и мной, ухаживали студенты-поклонники. Один из них, Асланбек, за мной приударил. Но что я буду шуры-муры заводить, если я приехала в гости на месяц? А потом он мне не особенно нравился. Он был эмведешник, у него форма была такая, кокарда. И вот он уже видит, что никак не может он ко мне приклеиться. Как-то мы сидели, разговаривали, какая разница между казашками и калмычками. А я так сижу и говорю: «Калмычки более стройные, а казашки, видите – низкий таз, кривые ножки». Он говорит: «У тебя что, не кривые?». Говорю: «Нет, ноги у меня прямые и рост у меня 162, еще каблучок». Для своего времени я не была маленькой. Никак он меня не достанет. И он говорит: «Вас выслали». Я спрашиваю: «За что нас выслали, Асланбек?» «За то, что вы все предатели». Я говорю: «Боже мой, да если бы война началась с вашей стороны, да видела бы я как ты бежал бы навстречу китайцам со своей кокардой». Как он рассердился. А дядя Гали услышал из соседней комнаты, зашел и сказал ему что-то по-казахски резкое. Асланбек встал, извинился и ушел. Больше он к нам никогда не приходил. Потом мне дядя Гали сказал: «Знаешь, Сима, надо быть очень

45 *Гучинова Э.* Японки Европы или француженки Азии: изменения представлений о красоте калмыцкой женщины // *Новикова И.* (отв. ред.) Гендер. Культура. Общество. Проект женщин Балтии. Рига, 2002. С. 9-10.

46 Интервью с Боромангнаевым Б. Элиста, 2004.

47 *Гучинова*. У каждого своя Сибирь. С. 415.

48 Интервью с Бадмаевым В.И. Элиста, 2004.

осторожной, ты же можешь отсюда домой не уехать. Ты же видишь, кто он, а ты ему такие вещи говоришь». Я говорю: «А пусть он не говорит, что мы все предатели».[49]

У нас куратором в техникуме была москвичка. Она сказала: «Все идите, а Вы останьтесь». Я думаю, а что она хочет? – «У Вас косы свои?». А я даже понятия не имела, что могут быть не свои косы. Я расплела конец косы и кинула на парту. Она пощупала и спрашивает: «А чем вы моете?». Я подумала, наверное, пахнет *арьяном*.[50] Мама меня каждую субботу заставляла голову мыть кислым молоком. Мне все время хотелось отрезать волосы снизу. А мама говорила: «Красота только в косе». Две большие косы мою голову все время назад тянули. Я все думала, когда же я пойду работать отдельно и отрежу косы, чтобы голове было легче. Но потом выросла и поняла, что резать не надо. Потому что я поняла, что коса – это красота. Все удивлялись, потому что одна коса впереди, одна сзади. Некоторые думали сзади, что одна коса, я повернусь, а они: «Еще одна?». Все удивлялись и спрашивали: «Свои?».[51]

Женский идеал красоты по определению недостижим. Такова природа этого патриархатного конструкта, что заставляет женщин стремиться к недосягаемому идеалу – несмотря на любые трудности.

В Новосибирске мы уже хорошо одевались. У меня были коричневые ботиночки «прощай, молодость» на каблучке с опушечкой. Чулки шелковые или фильдеперсовые. Если я тебе покажу фотографию 1949 г., ты скажешь, что у нас было все. В 47 г. шубка кроличья. Вот я, на мне: теплые рейтузы, гольфы шерстяные, чисто японжевая юбка,[52] креп-сатиновая кофточка. Все натуральное. Какое пальто, сапоги резиновые, шапочка меховая, жабо на плечах. Видишь, какие у меня ногти, какой у меня маникюр. Это Новосибирск, 49 год. Волосы плойкой завивали. Брови выщипаны, подведены, пудра, на губах помада.[53]

Кроме физических данных в понятие женственности входили хозяйственные качества, ловкость в работе. Среди прочих навыков, из которых важным считалась чистоплотность, особенно пригодилось умение шить. В калмыцкой культуре всех девочек рано учили шить – раньше чем готовить еду, стирать одежду. В экстремальных ситуациях именно это умение нередко спасало их от голодной смерти. Почти все женщины, кто сумел захватить из дома швейную машинку, зарабатывали шитьем, и их семьи не голодали.

«Женское» подчеркивается также строгостью в отношениях со сверстниками, заботой о родственниках, стыдливостью.

---

49 Интервью с Нарановой С.Э. Москва, 2004.

50 Кислым молоком.

51 Интервью с Бургаковой Г. Элиста, 2004.

52 Японж – ткань из шерсти с шелком.

53 Интервью с Нарановой С.Э. Москва, 2004.

> Беременность у мамы была поздняя, она ее стеснялась и скрывала. Даже от брата мама скрывала свой живот. Такая калмыцкая целомудренность.[54]

В устных историях сообщения о телесном, как правило, связаны с преодолением стыда, что было травматическим испытанием для женщин, поскольку и в калмыцкой, и в советской культуре женский пол был сконструирован в «терминах стыда».[55] В кризисной ситуации выселения старые телесные практики не могли оставаться прежними, они должны были реагировать на новые климатические и социальные условия. Вопросы личной гигиены в таких условиях вышли за рамки приватности и должны были решаться сообща. Не сразу, но стыдливость как «женское» качество пересматривалась по ситуации, чтобы делать так, как было удобнее людям. Туалета скотский вагон не предусматривал. Многие женщины, стесняясь мужчин, перебирались под составом на другую сторону, чтобы там оправиться. Не раз случалось, что неповоротливые старухи погибали под колесами двинувшегося состава.

> На остановках все выходили и должны были оправляться тут же, за короткую стоянку... Конечно, мужчинам было легче. А мы очень стеснялись. Это раньше в степи можно было присесть и все сделать. А как справить нужду средь бела дня, когда вокруг люди и нет туалета? Мы, женщины, становились в кружок и присаживались в центре круга по очереди.[56]

Одной из стратегий выживания стало изменение гендерных ролей в калмыцкой семье. К началу войны безусловно преобладала патриархатная модель, и главой семьи всегда был старший мужчина. Даже подросток, хоть он и был младший мужчина в семье, был по статусу выше снохи, замужней женщины, и мы слышим рассказ мужчины, в 1945 г. 12-летнего мальчика: «после смерти отца мать стала меня слушать, подчиняться».[57] Только состарившись, став матерью женатого сына, женщина становилась уважаемой. Так было в мирной жизни, но форс-мажор депортации поменял приоритеты. На рынке труда в Сибири быстрее находили работу те женщины, чье сознание (а значит и весь облик – знание русского языка, прическа, одежда, этикет) было более модернизированным.

В тяжелое первое время из мужчин были старики и инвалиды. Многие не знали русского языка и не могли ориентироваться в дороге и по прибытию, поэтому все вопросы выживания должны были решать молодые женщины. Традиционная сфера ответственности калмычки расширилась, так как ей пришлось, с одной стороны, выполнять традиционные обязанности – стирать, одевать, кормить и отапливать жилье, что было

---

54 Интервью с Сельвиной К.Е. Элиста, 2004.

55 *Жеребкина.* Гендерные 90-е. С. 186.

56 Интервью с Алексеевой П.Э. Элиста, 2001.

57 Интервью с Ивановым С.М. Элиста, 2004.

невероятно трудно и требовало выдумки, инициативы, риска. С другой стороны ей приходилось нести ответственность за всех членов семьи, быть главой семьи и материально ее обеспечивать, выполняя роль, традиционно принадлежавшую мужчине. А зарабатывать означало пойти на общественные работы, что для среднего и старшего поколения женщин было совершенно новой ареной. В результате калмычка оказалась вписанной в навязанный государством гендерный контракт «работающая мать». Он подразумевает обязательность как «общественно-полезного» труда советских женщин, так и выполнения миссии матери «как женского природного предназначения» и гражданского долга. Особенностью советской гендерной системы было сочетание эгалитарной идеологии решения женского вопроса, квазиэгалитарной практики и традиционных гендерных стереотипов, реализующихся в сфере семьи, быта и интимных отношений. Этим и отличался советский патриархат от традиционного: по традиции мужчина был однозначно главным всегда и во всем, советская идеология камуфлировала неравенство женщины эгалитарной риторикой права и идеологии.

Социальное продвижение калмычки имело следствием и появление новых личных качеств, которые ранее применительно к женщине не формулировались. Это отмечали все калмыки, прошедшие депортацию, и в первую очередь – сами женщины: за тринадцать лет депортации калмычки стали смелее и независимее, их стали уважать.[58] В то же время женщинам приходилось «труднее, чем мужчинам, потому что работы было в два раза больше, чем у мужчин, ведь у мужчин были минуты, когда они могли отдохнуть, которых не было у женщин».[59] Это понимали и калмыцкие мужчины: «Женщины трудились, чтобы выжить, а им было труднее, чем мужчинам, им приходилось еще о семье заботиться».[60] Изменение гендерных ролей помогло всему народу выжить в экстремальных условиях, стало механизмом выживания группы.

Брачные стратегии

Статус выселенцев и крайняя дисперсность расселения затрудняли возможность брака для многих калмыков. Тем не менее, демографическая диспропорция после войны приводила к смешанным бракам между мужчиной-калмыком и женщиной-сибирячкой. Часто подобные браки не регистрировались из-за разницы в гражданских статусах. Бывало, что такая гетерогенная семейная пара жила долгие годы, так и не оформив брак. Моя пожилая соседка по Элисте, урожденная сибирячка, вдруг осознала в 1989 г., что почти полвека прожила с мужем-калмыком без штампа

58 Интервью с Убушиевой Е.К. (ППТП – ДИШ). Элиста, 2004.
59 Интервью с Салыновой Д.У. (ППТП – ДИШ). Элиста, 2004.
60 Интервью с Помпаевым М.Д. (ППТП – ДИШ). Элиста, 2004.

о семейном положении в паспорте. Неожиданно она стала просить мужа зарегистрировать брак в ЗАГСе, чтобы «хотя бы перед смертью, как Ева Браун, официально оформить статус жены».

> Калмыки-ребята женились на местных девушках, и девушки охотно выходили за них. Жили хорошо. Мужчин вообще не осуждали, мама говорила, мужчина мог жениться хоть на ком. Потом в старину, если муж с женой разводился, он детей себе оставлял. Он говорил жене: одна пришла, одна и уходи.[61]

В то же самое время многие калмыцкие женщины, чья молодость пришлась на это лихолетье, так и не смогли выйти замуж. Мужчине найти супругу в послевоенное время было легче. Стратегия выживания заключалась и в предпочтении внутригрупповой эндогамии, потому что границы этнической группы четко фиксировались не только статусом, но и внешностью.

Фенотипическая отличительность калмыков была заметна уже в первых опытах социальности – в школе. Несмотря на лидерские позиции многих калмыков/чек они как правило не становились объектами влюбленности, что было косвенным отражением их низкого статуса в социуме. Девочки редко имели успех у русских мальчиков, калмыцкие мальчики не имели успеха у русских девочек.

> О том, чтобы кому-либо нравиться, об этом не было и речи. Я была чужеродная. Во мне видели не девочку, а товарища, друга, начитанного человека. Я читала запоем. До 12 лет я прочла почти всю русскую и европейскую классику. Мы дружили большой компанией. Единственный, кто ко мне относился как к девочке, это мой сосед Володя Суменко. Но мы с ним дружили с шести лет. Я по-детски ему жаловалась: «Все дружат, а мне никто дружбу не предлагает». Он всегда говорил мне: «Ты не обижайся на них, они не понимают, что ты красивая и хорошая». Володя меня жалел и говорил: «Ты же мне нравишься, что тебе еще надо?». Это был единственный человек, от которого я могла такое услышать.[62]

> Девочки мне нравились, но у меня как-то неудачно получалось. Я помню, как-то подошел в четвертом классе к Оле Косачевой, отличнице и красавице. Что-то ей сказал, а она мне: что ты лезешь, калмык вонючий. И я ее ударил.[63]

Хотя и советское и калмыцкое общества были патриархатными, формы мужского доминирования в них были разные. При этом советские формы воспринимались как более передовые, потому что на идеологическом уровне они провозглашали равенство полов, а калмыцкие формы патриархата были настолько укоренены в народе, что воспринимались как норма. Из предыдущих рассказов видно, что мужчин не осуждали, а

---

61 Интервью с Нарановой С.Э. Москва, 2004.

62 Интервью с Берденовой Л.А. Элиста, 2004.

63 Интервью с Манджиевым О.Л. Москва, 2004.

осуждали женщин – за что? – за глубоко личный вопрос – выбор брачного партнера. В мужском нарративе проскальзывает сюжет, как парни-студенты дали клятву не жениться до 30 лет.[64] За такой шуточной клятвой стояло нежелание оказаться в «ярме семейной жизни» раньше срока и это было общей позицией мужчин. Другой рассказчик вспоминал, что после трудового дня еще шел на танцы, ведь «надо же и поплясать, поцеловать пару раз Олечку или Зиночку».[65] Любвеобильное поведение для холостого мужчины не было предосудительным, но если бы такое сказала девушка, для нее тут же нашлось бы специальное слово.

По материалам устных историй можно выделить две стратегии замужества: традиционную и модернизированную. Первый сценарий был классически патриархатным: ранний брак с первым посватавшимся парнем, переезд к нему, выполнение всей домашней работы, материнство и полное подчинение мужу и его родственникам.

Второй сценарий был обобщением женского опыта первых десятилетий социальных преобразований советской власти, среди которых было и «раскрепощение калмыцкой женщины». Девушки, выбравшие путь модернизации и поэтому остригшие свои косы, отказавшиеся от камзола,[66] получили образование и стали учителями, врачами и юристами. Даже в Сибири они почти всегда находили работу, имели лучшие жилищные условия, были в лучшем положении социально – с ними считались и люди, и власти. Глядя на них многие девушки выбирали не замужество, а учебу.

> Мама мне давала такую установку: если учишься в мединституте, надо учиться. Пока не закончишь, о замужестве и не думай. В приказном порядке: замуж не вздумай! Моей подруге Азе, видимо, говорили то же самое. Мы на всех вечеринках пляшем, поем, а потом потихоньку засветло убегаем. Мы никакие надежды никому не подавали.[67]

Возможность изменить свою жизнь с помощью брака была только у женщин. У мужчины такой возможности не было. Замуж заочно, как «фотографическая» невеста, описанная в пьесе Р. Калиноски «Лунное чудовище» – так заводили семьи разбросанные по всему миру и жертвы армянского геноцида в Турции. Подобные решения принимаются из ситуации «хуже уже не будет». Замужество становилось способом изменить, по крайней мере, место жительства и работу на более приемлемые варианты. Показательна в этой связи история знакомства моих родителей. Мой отец, Мацак Гучинов, 22-летний боевой офицер, был комиссован по ранению весной 1943 г., а в декабре он был выселен в г. Куйбышев

64 Интервью с Бадмаевым В.И. Элиста, 2004.

65 Интервью с Ивановым С.М. Элиста, 2004.

66 Лиф, стягивающий грудь девушки. Женское движение против камзола близко движению против паранджы-чадры в Средней Азии.

67 *Гучинова*. У каждого своя Сибирь. С. 417.

Новосибирской области. Там он подружился с маминым дядей, который рассказал ему о своей племяннице. Мария Бальзирова несмотря на диплом педагога в то время была разнорабочей на рыбоперерабатывающем заводе в Сургуте. Видимо, там были невыносимые условия жизни. Мой будущий отец вызвал ее письмом как невесту. Мария приехала к своему незнакомому жениху в полдень, и в тот же вечер они сыграли свадьбу.

Их женитьба была новой редакцией калмыцкой брачной традиции – когда невеста и жених знакомились на свадьбе, а о чувствах молодых никто не беспокоился, важным было здоровье, репутация, материальная обеспеченность.

Так же встретились родители депутата Государственной Думы Александры Буратаевой. Они были мало знакомы и решили сойтись, потому что одиноких калмыков из Омской области отправляли на Таймыр, а женатые люди имели шанс остаться и выжить.[68] Многие создавали семьи, руководствуясь не романтическими чувствами, а рациональными мотивами.

Замужество становилось трюком в бегстве от ареста для «вдвойне запятнанных» – девушек, ушедших в Германию и позднее репатриированных: если будущий муж был офицером, он мог увезти жену в другую область, то есть вывести из-под локального контроля надзирательных органов. В таком случае девушка символически и во многих случаях бюрократически «умирала в старой жизни», а в новой жизни – женской у нее появлялась новая фамилия (советский вариант), новое имя (калмыцкая традиция), она выписывалась и уезжала с мужем, простившись со своим прошлым.

> Я знала еще двух девушек, кто уходил за немцами и был репатриирован из Германии. Одна была медсестра Надя. Родственники никто к ней не подходил, боялись. Так отчужденно себя вели. Потом она вышла замуж за летчика. Он был командир, офицер, а она – красивая такая. Ей надо было выйти замуж, она была на грани ареста. Он увез ее в Алма-Ату.
> У меня были две подружки-фронтовички. Они были постарше. Война началась, их забрали в армию из Ростовского медучилища. Их из Венгрии вернули как калмычек. Они работали на гидролизном заводе. Катя была начальником охраны. Она была членом партии, Галя – кандидатом. Они были такие тонкие, ходили в военной форме и ремень вокруг талии два раза оборачивали. За ними приехали женихи. За Галей приехал украинец Леня Турчинский из Винницы, забрал. А к Кате приезжал сержант Папахин Леша. Он приехал без ноги. Она с ним дружила в госпитале. Катя сказала ему: «Я – высланная, ты – без ноги. Ну что мы за семья? Будем мы с тобой нищенствовать». Он бедный целый месяц возле нас околачивался, плакал-плакал и уехал. Она вышла за калмыка, он много пил, рано умер.[69]

---

68 Интервью с Вартман Л.М. Берлин, 2003.

69 Интервью с Нарановой С.Э. Москва, 2004.

> В старшую сестру Нину был влюблен литовец. Ну тогда разве это можно было...[70]

Примеры брачных пар, в которых женщина – калмычка, а мужчина – инвалид или женщина – калмычка, а мужчина – литовец (тоже репрессированный) типологически напоминают другую калмыцкую традицию подбора увечных пар: горбунье находили горбуна, косому хромую. В годы репрессий стигматизированная этничность становилась аналогом инвалидности.

Калмычки сознательно ограничивали свой выбор калмыками, потому что в патриархатной советской семье ей было бы вдвойне труднее – как женщине и как калмычке. В первую очередь маркером границы была внешность. Не случайно калмыков дразнили, используя расовые признаки: «узкоглазые», «широкоформатные», «налимы».

> Поскольку я из такой семьи, которая задолго до депортации все пережила, я всегда знала, кто я такая. Какое бы сердце ни было горячее, а голова всегда оставалась холодной. Я всегда думала. Вот этот мне нравится, я могла бы выйти за него замуж, но я сама себе говорила – мне нельзя.[71]

> Я же одна [калмычка] учусь много лет и они уже внешне забывают, кто ты. Я для них просто Катя и все. Мы дружили и девочки мне говорят, когда я кого-то там отторгаю, когда уже к окончанию института и речь идет о дальнейшей жизни. Я говорила: «Ты что? Это ты меня привезешь домой невестой, а вся твоя деревня прибежит на меня смотреть?» «А чем ты отличаешься?» «Ну как же, я разве внешностью не отличаюсь?». Никто не хотел признавать, что я чем-то отличаюсь.[72]

Другим фактором была культурная дистанция. Близкие к калмыкам по хозяйственно-культурному типу казахи и киргизы отличались иной религией – исламом. Более модернизированным калмыкам они казались «отсталыми», особенно в отношении «положения женщины» (это и комплекс «малых различий» (В. Тишков)). Не замечая проявлений «своего» патриархата, они видели и осуждали его проявления в другом народе.

> Женихов, честно признаться, много было. Один киргиз бегал за мной, а его брат работал комендантом в Таласе. Он все говорил, если ты будешь со мной встречаться, ты не будешь спецпереселенкой, брат тебя сразу освободит, тебе чистый паспорт выпишет. Все говорили: только за калмыка. Тогда за другую нацию редко кто выходил, осуждали. Я знала, что ни киргиз, ни русский моим мужем стать не может. Киргизы – мусульмане. Они вели себя совсем по-другому. В те годы чтобы женщина-киргизка где-то общалась, такого не было, они жили очень закрыто.[73]

---

70 Интервью с Сельвиной К.Е. Элиста, 2004.

71 Интервью с Нарановой С.Э. Москва, 2004.

72 Интервью с Хонгоровой Е.Б. Элиста, 2004.

73 Интервью с Адьяновой М. Элиста, 2004.

> Я ходила на работу, была очень эффектная. Тогда я была интересная, тонкая. Ухаживали за мной и русские мальчики тоже. Но мама мне говорила, что не знает примера, чтобы калмычка вышла замуж за русского и долго с ним жила... Я это приняла во внимание.[74]

«Культурные различия» выручали, если у красавиц возникали трудности с нежеланными кавалерами. В Киргизии юная Маша нашла способ пресечь назойливые знаки внимания военного без вербальных объяснений, используя разницу культурных границ: она совершила действие, для человека исламской культуры непростительное.

> Я же по-киргизски хорошо говорила. Как-то я ехала на учебу. На меня обратил внимание один казах, Герой Советского Союза. Я сижу, караулю чемодан. Подходит адъютант и говорит: «Мой начальник Вас приглашает к столу». «Мне чемодан караулить поручили». «Вы идите, я покараулю». «Нет, мне же доверили». Не пошла. Потом в поезд сели, они узнали, в каком вагоне я еду. Я думала, как бы от них отвязаться? И тогда в одном русском селе перед Фрунзе я вышла на остановке и стала сало покупать. Они как увидели, начали плеваться и больше не подходили.[75]

Однако не все женщины были готовы рискнуть на замужество по переписке или выйти замуж за первую приличную партию. Многие ждали романтических чувств и без них замуж не торопились. Другие знали себе цену и отказывали даже калмыку-офицеру, если он был недостаточно галантен.

> Галина хотела, чтобы я за их родственника замуж вышла. Они меня пригласили в оперный театр: она с мужем и претендующий жених. А я опаздывала. Забежала, уже звонки. Все побежали. И жених меня вперед не пропустил, а сам вперед проскочил. А я как дура сзади осталась. Я тут же развернулась и домой уехала. На другой день Галина мне звонит: «Ты что»? «Я потом расскажу». А когда он мне позвонил, я ему сказала, что мне дверьми чуть нос не прищемили, поэтому я уехала. Вряд ли он понял.[76]

Контроль сексуальности, в первую очередь женской, был репрессивным правилом советского общества: добрачная и внебрачная свобода осуждалась морально, аборты были запрещены с 1936 по 1955 гг. Противозачаточных средств практически не было, как и декретного отпуска по беременности и уходу за младенцем, не хватало яслей и детских садов. Женщины, обращавшиеся к практике криминальных абортов, несли за это уголовную ответственность. Обычно калмычки использовали воздержание как средство контрацепции,[77] а также долгое грудное вскармли-

---

74 Интервью с Нарановой С.Э. Москва, 2004.

75 Интервью с Адьяновой М. Элиста, 2004.

76 Интервью с Нарановой С.Э. Москва, 2004.

77 На подобном явлении у монголов строится сюжет фильма Н. Михалкова «Урга-территория любви».

вание. Как поведала женщина-ветврач, они с мужем предохранялись от беременности теми же порошками, которые она использовала в своей работе для коров. Тяжелый труд, голодное время, нехватка мужчин также способствовали тому, что вопрос не был особенно актуален.

> Как молодые семьи жили? В то время дети, видимо, не рождались, потому что мужья, у кого они были, спали отдельно.[78]

Из опрошенных мною для данного проекта респондентов только один оказался ребенком, рожденным вне брака. После того как его мать потеряла двоих детей во время оккупации, а мужа – на фронте, она решила завести внебрачного ребенка, заручившись поддержкой свекрови. Он считает, что его мать пошла на такой шаг, потому что относилась к группе уральских калмыков, которые жили долгое время изолированно от калмыков, среди русского населения, были во многом обрусевшими, и мораль их была более свободная.

> А из калмыков, что в своем котле варились, многие женщины остались старыми девами или жили приживалками в семьях родственников, няньками.[79]

Этот опыт после Сибири был пересмотрен. Теперь незамужней женщине под 30 лет родственники обычно намекают, что пора бы завести ребенка, пока еще молода. Женщина, не решившаяся на внебрачного ребенка, сейчас скорее получит осуждение за «эгоизм», за нерешительность в реализации своего природного предназначения.

Считается, что для женщины в отсутствие работы при необходимости содержать близких последним шансом заработать оставалась проституция. У меня нет сведений о проституции среди калмычек, равно как и среди женщин других наказанных народов. Хотя индивидуальное сексуальное поведение всегда может отличаться от идеального, возможно, в самый трудный период – в первые два года – не было ни сил, ни спроса, а позже не было экономической необходимости для такого занятия. Видимо, не всегда проституция является универсальным средством прокормиться. В некоторых обстоятельствах практики продажной любви даже за хлеб неприемлемы.

Заключение

Гендерное измерение массовых депортаций позволяет увидеть различия в женских и мужских стратегиях выживания представителей разных культур. Например, во время выселения калмыков (1943) и чеченцев (1944) и тех и других загружали в одинаковые товарные вагоны. Но среди

78 Интервью с Хонгоровой Е.Б. Элиста, 2004.

79 Интервью с Санчировым В.П. Элиста, 2004.

выселенных чеченцев было много взрослых мужчин. Поэтому социокультурный порядок чеченцев остался прежним и вагоны, в которых везли людей, были сегрегированы по признаку пола в соответствии с законами шариата. На женской стороне вагона готовили пищу, смотрели за детьми, на мужской стороне велись политические разговоры и принимались решения.[80] Чеченские мужчины смогли сохранить традиционные формы маскулинности, остались кормильцами и защитниками семей, поэтому чеченцы возвращались на родину в традиционном гендерном порядке.

В калмыцком обществе было иначе: социальный контекст потребовал от женщин активности не только в приватной, но и публичной сфере. Многие мужчины погибли на фронте, вернулись инвалидами или остались в эмиграции второй волны. Стратегия выживания в условиях бесправия была связана с установкой на быструю интеграцию в местное сообщество, а значит, на активную роль женщины в общественном производстве и социальной жизни. Калмычка приобрела лидерские навыки, от которых было трудно отказаться, вернувшись к «нормальной» жизни. В итоге за годы депортации поменялся гендерный порядок и калмыцкая женщина стала реальной главой семьи в отсутствие мужа. После того как мужья нашли свои семьи в Сибири, их статус в семье автоматически не восстановился, его надо было подтвердить экономически. Калмыцкий патриархат был заменен советским патриархатом с символическим исполнением калмыцкой традиции, что ускорило переход многих семей к партнерским супружеским отношениям. Все чаще женщина стала предпочитать завести ребенка и растить его самой, если не получается семейная жизнь. Молодые женщины стремятся получить образование и сделать карьеру, брак для них не является задачей номер один. Стремительное социальное продвижение женщины за последние десятилетия отмечено не только у калмыков, но и в разных культурах постсоветского пространства. Причин этому много: глобализация и распространение либеральных ценностей, опыт советской женщины, процесс модернизации, как в городской, так и в сельской среде и депортационный опыт выживания.

---

80 См. *Хатаев А.Ц.* Эшелон бесправия. М., 1997.